

Совместное обучение

18 июля в газетах было опубликовано постановление Совета Министров СССР о введении совместного обучения в школах Москвы, Ленинграда и других городов.

Совет Министров Союза ССР постановил:

1. Учитывая пожелания родителей учащихся и мнение учителей школ, ввести в школах Москвы, Ленинграда и других городов с 1954—1955 учебного года совместное обучение мальчиков и девочек.

Совместное обучение учащихся мужских и женских школ ввести в I—IX классах включительно. В десятых классах в предстоящем учебном году совместного обучения не вводить.

2. Обязать Советы Министров союзных и автономных республик, а также краевые и областные исполкомы принять необходимые меры и оказать помощь органам народного образования в связи с введением совместного обучения.

Постановление Советского правительства было принято после широкого обсуждения этого вопроса в школах, на родительских собраниях, в педагогических учреждениях, на сессиях районных Советов депутатов трудящихся, в печати. Только в Москве и Ленинграде на собраниях родителей и учителей присутствовало более 120 тысяч человек. Около трех тысяч писем получила редакция «Литературной газеты» по этому вопросу, и авторы почти всех этих писем встали на сторону совместного обучения мальчиков и девочек. Советское правительство пришло общественному мнению силу закона. Вот еще одно ярчайшее свидетельство подлинного демократизма нашей жизни, нашего общественного и государственного строя!

С 1 сентября нынешнего года по всей стране, во всех ее городах и селах мальчики и девочки будут учиться вместе, в одной школе, в одном классе. Только ученики десятых, выпускных классов тех городов, где существовало раздельное обучение, закончат школу так же, как раньше. Это — мальчики отдельно от девочек. Последний напряженный год учебный они должны провести в привычной обстановке, в своем коллективе, со своими педагогами, которые их хорошо знают и несут за них ответственность перед народом. Но и для выпускников этот год будет годом дружной совместной работы юношей и девушек в школьной комсомольской организации, ученическом комитете.

Совместное обучение принесет, несомненно, большую пользу, облегчит решение многих трудных проблем. Легче будет педагогу назидать дисциплину в классе; спокойнее будет на сердце у матери, когда сыннишка пойдет не в дальнюю мужскую школу, переходя через шумную улицу, а школа его будет той, что ближе всех от дома; уже сейчас можно сказать, что некоторые школы после объединения смогут работать не в две, а в одну смену, ибо они будут укомплектованы равномернее и правильно, а родители проще будут поддерживать связь с одной школой, где участв и сыновья и дочери. Много таких — больших и малых — преимуществ несет с собой совместное обучение. Но главное — на основе единой системы обучения и воспитания во всех школах без исключения создана прочная база для полнокровной жизни нормального детского коллектива.

Раздельное обучение было чревато серьезными затруднениями в воспитании, прежде всего в воспитании правильных отношений между юношами и девушками. И хотя ни в программах, ни в методике учебной и воспитательной работы мужских и женских школ не было никакой разницы, однако самый факт разделения вносил некоторое отчуждение. Совместный труд и ученье, дружная общественная деятельность, чувство принадлежности к одному коллективу — это могучий воспитатель, который на всю жизнь привьет школьникам коммунистический идеал отношений, сформулированный Маяковским:

Надо
обязать
и жизнь мужчин и женщин
словом,
нас объединяющим:
«Товарищ».

Совместное обучение открывает перед учителями большие творческие возможности, но оно потребует и немалых усилий. Это не легкое дело — создание нового школьного коллектива! Но именно это должно быть первой заботой, первой обязанностью, первой задачей педагогов: коммунистическое воспитание — воспитание в коллективе и через коллектив. Замечательные труды Антона Семеновича Макаренкова вооружают советских учителей проверенными принципами создания детского коллектива, принципами, которые дают воз-

можность уже в первый месяц нового учебного года построить в каждой школе крепкий фундамент гармонической коллективной жизни. И мы надеемся, что учительство с честью справится с этой задачей, по-макаренковски талантливо сплотив ребят в крепкий, дружный, деятельный коллектив.

Уже сейчас возникают серьезные организационные задачи, которые необходимо отчетливо видеть, быстро и точно решать. В городах, где вводится совместное обучение, педагоги под руководством советских органов, опираясь на помощь комсомола и родительской общественности, должны в кратчайшие сроки установить микроплан каждой школы. Эта важная работа на многие годы определит детский коллектив школы, и здесь нельзя допускать ошибок, недоделок. Каждый ребенок будет учиться в школе, расположенной ближе всех к дому! Очень важно, чтобы в любом классе было примерно равное число мальчиков и девочек, сильных и слабых учеников, чтобы буквально в первую же неделю учебного года каждый класс имел прочное ядро коллектива. Необходимо позаботиться о том, чтобы всем школьникам была представлена возможность изучения того иностранного языка, который они изучали раньше. Поэтому в случае надобности в школе предусматривается преподавание двух, а иногда и трех иностранных языков.

Сейчас нет дел крупных и мелких: одновременно, с 25 июля, составить точные списки учеников по принципу микрорайона так же важно, как и предусмотреть правильное размещение санитарных узлов в школе. Поэтому в случае надобности в школе предусматривается преподавание двух, а иногда и трех иностранных языков.

Сейчас нет дел крупных и мелких: одновременно, с 25 июля, составить точные списки учеников по принципу микрорайона так же важно, как и предусмотреть правильное размещение санитарных узлов в школе. Поэтому в случае надобности в школе предусматривается преподавание двух, а иногда и трех иностранных языков.

Наш долг — долг советских учреждений, комсомола, общественных организаций, долг шефов и родителей — серьезно помочь школе. Надо помочь постоянным вниманием, помочь оборудованием физическими кабинетами и спортивными площадками. Очень важно широко развернуть разъяснительную работу с родителями, своевременно поставить каждого из них в известность, где, в какой школе будут в этом году учиться их дети. Во второй половине августа должны пройти общие родительские собрания, и здесь шефы могут оказать школе существенную помощь. Дел много, времени мало, но мы обязаны общими усилиями провести всю эту сложную работу четко и, как называется, «без сучка, без задоринки». Когда школьники крупных городов найдут свой первый совместный учебный год, они увидят, что школы к этому готовы!

Нелепо ожидать от совместного обучения «воспитательного чуда», мгновенного исправления прошлых ошибок. Сейчас особенно остро будут ощущаться серьезные отставания науки о воспитании, недостатки воспитательной работы школ. Ведь до сих пор педагогическая теория не сумела ответить на то, каким должно быть сегодня политическое обучение, какова воспитательная роль общественно-полезного труда для школьников, мы не имеем четкой системы семейного воспитания, нет ясности в том, как планомерно развивать у ребят глубокое эстетическое чувство. Много наших проблем не решено еще у нас, и мы не имеем права здесь оттягивать с их решением.

В то время, когда практика ждет ясных ответов на живые вопросы жизни, в Академии педагогических наук продолжается неторопливая разработка частной, «штатное» творчество. Учителя видят большую воспитательный вред в неправильном методе учета их работы исключительно по проценту успеваемости, а в академии просто не замечают такой «сметли» и объективно спорят о догматической формуле «основного закона педагогики».

Большие успехи советской школы и педагогической науки в области обучения не могут компенсировать серьезных недостатков в воспитании. Вопрос этот все более и более привлекает внимание общественности.

На августовских учительских совещаниях этого года специально будет рассматриваться вопрос о воспитании. Хочется верить, что все наши учителя серьезно подготовятся к обсуждению, что оно пройдет остро и плодотворно, что не будет на августовских совещаниях места равнодушному формализму, унылой регистрации недостатков. Новый учебный год должен стать годом творческих исканий педагогов, годом научных побед теоретиков педагогики.

В детском саду, за школьной партией, на студенческой скамье, у станка и на колхозном поле — всегда рядом, бок о бок участв и трудятся все советские дети, молодежь, советские люди. Совместное обучение отвечает самому духу и смыслу нашей советской жизни. С радостью повелит родители 1 сентября этого года своих сыновей и дочерей в школу. С радостью встретят их учителя. С радостью и надеждой глядят на наших мальчиков и девочек все мы, советские люди, желая им дружно трудиться, вместе пройти большой путь к светлому дню коммунизма.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 86 (3270)

Вторник, 20 июля 1954 г.

Цена 40 коп.

Чудесный праздник

Москва, стадион «Динамо»

В минувшее воскресенье Советская страна отмечала традиционный праздник — Всесоюзный день физкультурника. Главным событием этого веселого, красочного и радостного дня был парад физкультурников на московском стадионе «Динамо».

30 тысяч лучших физкультурников — представители всех союзных республик, всех добродельных спортивных обществ, рабочих и колхозников, студентов и школьников, солдат и матросов — участвовали в этом смотре молодежи, красоты и силы советского народа. Наша Коммунистическая партия воспитала молодое поколение, богатое духовной культурой, гармонически развитое, жизнелюбивое. Славные советские спортсмены, физкультурники — предельно национальной гордости нашего многомиллионного народа.

Мы любим спорт, мы радуемся его успехам. Мы знаем — массовость, вот основа физкультурного движения страны Советов, вот фундамент, на котором жидутся достижения советского спорта. Только в 1953 году наши мастера 373 раза участвовали в рекорды СССР и 57 раз внесли поправки в таблицы мировых рекордов. И в нынешнем году штурм рекордов продолжается. А за прославленными мастерами стоит армия физкультурников...

...Скоро 12 часов. До краев заполнены трибуны стадиона «Динамо». Над Южной трибуной, среди зелени и флагов, — огромный транспарант: «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза — великая вдохновляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма!». На футбольном поле, покрытом зеленым войлочным ковром (застава говоря, этот гигантский ковер весит около двадцати тонн), выстроились участники парада.

Над стадионом проносится буря аплодисментов. Все взоры устремлены в правительственной ложе, где появляются товарищи К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, М. З. Кабулов, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. И. Поспелов, Н. И. Шаталин. Вместе с руководителями партии и правительства — Президент Германской Демократической Республики В. Лик и первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии, заместитель премьер-министра ГДР В. Ульбрихт.

Перед началом парада председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР тов. Н. Романов произносит краткую речь, поздравляя участников праздника.

Дробь барабанов. Фанфары. Начинается торжественный марш.

А. М. Горький писал однажды, что смотрит на физкультурников «с неслепой улыбкой сердца». Москвичи и многочисленные зарубежные гости, присутствовавшие на празднике, с веселой и гордой улыбкой сердца любовались участниками парада.

Идут знаменосцы. Впереди — Государственный флаг СССР и герб Советского Союза. Алые стяги, разноцветные спортивные знамена.

Колонна молодых уже людей в черных пиджаках и белых брюках. Это — тренеры, передовые воспитатели спортивной смены.

Вслед за ними — колонна спортсменов в серых костюмах с орденами и красными лентами через плечо. Идет цвет нашего спорта — рекордсмены и чемпионы, завоевавшие мировое признание в трудной спортивной борьбе. Их много — колонна лучших весьма внушительна. И мы знаем — с каждым годом их будет все больше!

Мы видим разностороннюю спортсменку, легколетку и волейболистку Александру Чулину, обладательницу 130 медалей, золотых, серебряных и бронзовых, врученных ей на стадионах многих стран. И рядом — советский богатырь Арсен Меккишвили, чемпион мира по вольной борьбе. Всеволод Бобров — капитан сборной хоккейной команды, завоевавшей мировое первенство минувшей зимой в Стокгольме. И рядом — чемпионка мира по конькам Лидия Селхова. Наши замечательные гимнасты, совсем недавно с большой победой вернувшиеся из Италии: титанисты, волейболисты, баскетболисты, гребцы. В первом ряду колонны — чемпион мира по шахматам, доктор технических наук Михаил Ботвинник. В той же колонне — молодой чемпион Советского Союза по бегу Владимир Баргев. Он только что одержал еще одну победу: с отличием окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта.

Одна за другой перед трибунами проходят делегации физкультурников всех шестнадцати союзных республик. И как бы в такт этому величественному шествию, волнами прокатываются аплодисменты — знак восхищения отличной выправкой, изощренным и красочной нашей молодежи. Какое разнообразие красок, национальных костюмов, спортивных эмблем! На мгновение мы словно переносимся то в знойную Туркмению, то на побережье Балтики, то в горы Молдавии, то в горы Кавказа. Степные просторы Казахстана сменяются хвойными лесами Карело-Финской ССР, поля Украины — долами и весами Российской Федерации. И все это своеобразие колонн объединено великой идеей нерушимой дружбы народов СССР.

Физкультурников братских республик сменяют школьники столицы — наши дети, наша будущая. Это будущее советского спорта, его надежда и резерв. Своими колоннами физкультурников спортивных обществ профсоюзом. Тут представлены люди всех профессий, рабочие, инженеры, мастера своего дела и мастера спорта.

Проходят еще одна сводная колонна. «Полосатник», «Калгасник», «Колхозши», «Колмеурне», «Варпа», «Пахтакор», — читаем мы на знаменах. Языки разные, а название одно: «Колхозник». Добровольные общества, объединяющие тружеников полей — самые молодые в стране.

Идут физкультурники в красно-белых и бело-голубых майках. Это широко известные добровольные общества — ордена Ленина «Спартак» и ордена Ленина «Динамо». И, наконец, завершает этот поразительный марш сводная колонна физкультурников Советской Армии. Их движения настолько четки, сбиты и согласованы, что создается впечатление: это идет один человек!

Молодежь готова к труду и обороне.

У Южной трибуны забил фонтан. Раскинулись палатки импровизированного пионерского лагеря. Все пространство стадиона заполняют московские школьники. Самые маленькие из них приближаются к Северной трибуне, дарят зрителям букеты цветов. Несколько ребятшек поднимаются в правительственную ложу и вручают букеты цветам руководителям Коммунистической партии и Советского правительства. Ласковые улыбки освещают лица, безмерна наша любовь к детям!

На поле девочки демонстрируют веселые упражнения со скакалками, мальчики образуют гимнастические группы и искусно имитируют движения гребцов. Колоритные упражнения с полотенцами — утренняя зарядка пионеров, красочный танец бачечек, и в конце — игра в мяч самых маленьких.

Одна за другой в хорошем темпе выступают делегации союзных республик.

...На поле — делегация Армянской ССР. Триста семилетних юношей и девушек четко и красиво выполняют сложные гимнастические упражнения. Друг другу наравне, на мгновение закрывая гимнастов, мчатся велосипедисты с государственным флагом Армянской ССР. Поле вновь открыто — на нем гимнастические снаряды. Чемпионы мира Грант Шагинян и Альберт Азарян показывают свое виртуозное мастерство на перекладине и кольцах. Новое построение — и образуется пирамида, живая ваза.

...На поле — делегация Литовской ССР. Баскетбол — любимая игра литовской молодежи. Триста пятнадцатилетних спортсменов выполняют упражнения с баскетбольными мячами; юноши демонстрируют высокую технику игры. А потом в огромную корзину отведут летать белые и красные мячи. 380 мячей.

И каждая из делегаций союзных республик показывала все лучшее, чем горда она в физкультуре, чего достигли ее гимнасты, акробаты, представители других видов спорта за последние годы.

Зеленые березки были фоном эффектного выступления физкультурников Белоруссии. Виноградные лозы в руках быстрых молдавских девушек вдруг превращались в золотые шапки колхозников. Казахские спортсмены темой своего выступления избрали освоение целинных земель, таджики и узбеки — сбор хлопка. Так каждая республика стремилась отразить в выступлениях своих физкультурников отличительные черты своей экономики и культуры.

Великой исторической дате — трехсотлетию воссоединения Украины с Россией было посвящено выступление физкультур-

ников Украинской ССР. Над стадионом лилась мелодичная украинская песня.

Стало обычным, что на всех физкультурных праздниках интересно выступают юные спортсмены общества «Трудовые резервы». И на этот раз 3.800 учеников ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО оправдали ожидания зрителей. Особенно запомнились массовые упражнения с металлическими лентами. Они переливались на солнце и мелодично звенели... Внутреннее зрелище являли собой спортсмены-студенты. Их было 2.800 человек. Аплодисменты раздались на трибунах, когда одновременно 140 спортсменов делали сложные упражнения то на перекладине, то на брусьях.

Порывались зрители блестящим мастерством студентов Московского и Ленинградского институтов физкультуры. У московских физкультурников перекладина буквально в несколько секунд превращалась в параллельные брусья, брусья — в бум, бум — в коня... Эти новинки — результат творческой мысли конструкторов. Хорошо, если бы конструкторы позаботились о создании подобных портативных снарядов для массового производства.

Самую большую колонну гимнастов вывели на поле стадиона спортивные общества профсоюзом. Слаженно и яркое выступление четырех тысяч спортсменов было посвящено теме труда.

Парад завершила колонна Российской Федерации. Особенно запомнилась пирамида «Политина», волевые упражнения женщин с блестящими обручами и безукоризненно четкие действия почти трех тысяч гимнастов, которые флагами изобразили символы мира, труда и герб СССР.

Еще одна особенность парада — он был пронизан спортивными состязаниями. Мы увидели в действии сильнейших легкоатлетов, гимнастов, борцов и штангистов.

Пожалуй, нет более трудного испытания для легкоатлетов, чем марфонский бег. Дистанция — 42 километра 195 метров по Ленинградскому шоссе. Старт на стадионе принимал 115 бегунов. Через 2 часа 27 минут 5,6 секунд под аплодисменты зрителей финишировал победитель — сталинец Борис Гришин.

Высокие результаты показали тбилисец Леван Санадзе (100 метров — 10,4 секунды) и москвичка Гина Откаленко, установившая новый мировой рекорд в беге на полмили. Новый мировой рекорд установил и московский штангист Владимир Вильковский. Его рывок двумя руками — 99 килограммов; любительство, что абсолютный вес рекордсмена равен 55 килограммам...

В центре поля выстраивается сборная команда гимнастов СССР — победительница недавно закончившегося в Риме всемирного чемпионата. Абсолютные чемпионы мира Виктор Чукарин, Галина Рудко и Валентин Муратов продемонстрировали волевые упражнения. Это был высший спортивный класс!

Парад закончился шествием физкультурников шестнадцати союзных республик. На Южной трибуне из флагов образуются слова: «Навек вместе».

Здесь надо сделать небольшое отступление. В этот день зрители читали на стадионе многие призывы и лозунги. Они были написаны на транспарантах, вшитых в спортивные выступления, образовывались из флагов и жинных тел. «Навек вместе!» — сказали украинцы. «Привет Москве!» — произнесли грузины. «Слава труду!» — провозгласили гимнасты профсоюзом. На русском, китайском, английском, французском и немецком языках флагами изобразили слово «Мир» спортсмены РСФСР. На золотом фоне они построили алые буквы «НПСС». Советские спортсмены славят родную Коммунистическую партию.

...Шестнадцатилетние в национальных костюмах с букетами цветов — представительницы от каждой союзной республики — поднимаются по ступенькам в правительственной ложе. Эта часть представления ученильнице Лидии Суняиной из города Сегежа, учащейся сельскохозяйственного техникума из Молдавии Клавдии Болот, студентке Таллинского пединститута Гийу Пюлаке, омекой студентке Клавдии Гавриловой и их подругам из других республик СССР.

Раздаются звуки Гимна Советского Союза. Повторяются гимны спортсменов.

Вся страна отмечала Всесоюзный день физкультурника. В городах и селах состоялись гуляния и спортивные встречи.

СЕГОДНЯ НА ВЫСТАВКЕ

РАННИМ УТРОМ

Солнце только взошло, когда на прудах поднялся птичий гомон. Кричали самые беспокойные и раньше всего просыпающиеся обитатели выставки — утки, гуси. Белоснежные утки пекинской породы, привезенные с Кубани, иссиня-черные с белой грудкой утки с Украины — все они проделали длинный путь по железной дороге и, попав снова на воду, наперевозе готали.

Несколько позднее проснулись обитатели животноводческих павильонов и ферм. На выставке сейчас свихты тысячи голов крупного поголовья свиней, лошадей, верблюдов, овец, оленей. Знаменитые колхозы «12-й Октябрь» Костромской области, «Горшиха» Ярославской области и некоторые другие привезли в Москву своих фермы коров-рекордисток. Не то понравилось коровам путешествие, не то сказался московский климат — на выставке они стали давать молока больше, чем дома.

Район рыболовных прудов. Пруды кишат рыбой. Достаточно бросить в воду кусок хлеба, как все кругом вскакивает, — караси, зеркальные карпы устремятся к еде. Рыбины, килограммов по пять каждая, залезают над водой и тяжело шлепаются обратно.

— Вот это клевет! — восторженно говорит какой-то любитель рыбной ловли.

150 ТЫСЯЧ УЧАСТНИКОВ

Приближается час начала работы в выставочных учреждениях. Аллея заполнена людьми. Аллея заполнена людьми. Аллея заполнена людьми.

народом. Идут художники, методисты, электрики, телефонисты, радисты, агрономы, инженеры, участники выставки, приехавшие из колхозов, совхозов и МТС. Не видно лишь строителей, их работа на территории самой выставки полностью закончена.

В этой толпе, заполняющей главную аллею, можно увидеть и почтальонов, идущих с тяжело нагруженными сумками. На выставке пришлось открыть два почтовых отделения, настолько обильна ее переписка. Почти две тысячи организаций и передовиков сельского хозяйства выдвинули кандидатами выставки. Главный выставочный комитет уже утвердил 150 тысяч участников выставки. Это — четыре с половиной тысячи колхозов, более полутора тысяч совхозов, пятсот машинно-тракторных и специализированных станций, более четырех тысяч животноводческих ферм, свыше двухсот тридцати научно-исследовательских институтов, много сельскохозяйственных учебных заведений, опытных станций, пасек, тысячи передовиков — колхозников, работников совхозов, МТС. По числу участников выставка 1954 года значительно превзойдет выставки довоенных лет.

Ежедневно здесь будет до ста тысяч посетителей, примерно седьмую часть их составляют приезжие. На места ежедневно расписывается по пять тысяч экскурсионных путевок, дающих право приезжающему провести на выставке пять дней.

Обслуживать посетителей будут две тысячи групповодов, экскурсоводов и переводчиков. Рассказ об опыте передовиков сельского хозяйства можно будет услышать на языке любого народа нашей страны. На множестве языков будут выпущены и справочные материалы.

ПУТЬ НА ВЫСТАВКУ

По кольцевой аллее прошли пробным рейсом первые троллейбусы, специально построенные для выставки. Это комфортабельные машины, окрашенные в светлые цвета, внутри вагонов — зеркала, шелковые занавески. Двадцать таких вагонов будет курсировать по кольцу, давая возможность посетителям в течение короткого времени обехать всю территорию выставки.

Нелегко было вообще разрешить транспортную проблему. Надо очень четко организовать перевозку ста тысяч посетителей, чтобы не вызвать очередей и заторов. Сейчас выделено такое количество трамваев, троллейбусов, автобусов и такси, что они смогут в течение часа перевезти 34 тысячи человек. Вводятся скоростные рейсы автобусов-экспрессов. Новые трамвайные, автобусные и троллейбусные линии свяжут выставку со всеми районами города и со всеми вокзалами.

Приезжие, получившие путевки, а также участники выставки поселятся в гостиницах. Около выставки должно быть построено шестнадцать четырехэтажных гостиниц. Первые пятнадцать из них должны открыться в августе. К сожалению, строительство ведется медленно, неорганизованно. Каменщики иной раз простаивают из-за нехватки кирпича, а когда есть кирпич, — из-за плохой организации работы.

А пока участники выставки размещают в общежитиях, где нет элементарных удобств.

П. М.

К 650-летию со дня рождения Петрарки

Советские люди отмечают исполняющееся сегодня 650-летие со дня рождения великого итальянского поэта Франческо Петрарки. Имя выдающегося деятеля эпохи Возрождения увековечено в русской литературе. А. С. Пушкин высоко ценит творчество Петрарки.

В Ленинграде фонды Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина насчитывают свыше ста изданий сонетов, стихотворений, философских сочинений знаменитого итальянца. Имеются русские переводы его произведений, в том числе советские издания.

Вчера в публичной библиотеке открылась выставка, посвященная 650-летию со дня рождения Петрарки.

У колхозных читателей

★ Московские литераторы-переводчики побывали недавно в колхозах «Памяти Ильича» и имени М. И. Калинина Зарайского района. В поле, в часы отдыха, они узнавали колхозных читателей с современной китайской литературой. Во время бесед выяснилось, что многие колхозники хорошо знакомы с произведениями китайских авторов, изданных в переводе на русский язык. С интересом прослушали собравшиеся рассказы и стихи Ма Фына. Кэ Чжун-тин, Гао Юй-бао, Ли Цян, Тянь Цзяня, Ай Цина и других, проинтервьюировали А. Гатовым, В. Роговым и В. Смирновым. Литературные встречи состоялись также в совхозе «Чулки-Соколово», педагогическом училище гор. Зарайска и в одном из пионерских лагерей.

★ Двести жителей села Анага Сигнахского района Грузии собрались на литературный вечер. Они с большим интересом слушали доклад члена местного литературного кружка Г. Мирианашвили об отображении жизни колхозной деревни в грузинской литературе. Затем были прочитаны некоторые произведения классиков русской и грузинской литературы.

Многие в селе Анага увлекаются литературой. Часто на литературных вечерах выступает с чтением своих стихов старейший колхозник И. Мирианашвили. Его новые произведения «Ленин всегда с нами», «Мир всему миру». «Нас ведет вперед Коммунистическая партия» знают все жители села. В этом году проведены читательские конференции, посвященные творчеству А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе. В селе два литературных кружка, которыми руководят педагог И. Гоголадзе и библиотекар И. Чавчавадзе.

Высшие литературные курсы

При Литературном институте имени М. Горького организованы Высшие литературные курсы. Их задача — повышение идейно-теоретического уровня и совершенствование литературного мастерства членов Союза советских писателей.

Учебным планом курсов предусмотрено изучение философии, политической эконо-

турный вечер. Они с большим интересом слушали доклад члена местного литературного кружка Г. Мирианашвили об отображении жизни колхозной деревни в грузинской литературе. Затем были прочитаны некоторые произведения классиков русской и грузинской литературы.

Многие в селе Анага увлекаются литературой. Часто на литературных вечерах выступает с чтением своих стихов старейший колхозник И. Мирианашвили. Его новые произведения «Ленин всегда с нами», «Мир всему миру». «Нас ведет вперед Коммунистическая партия» знают все жители села. В этом году проведены читательские конференции, посвященные творчеству А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе. В селе два литературных кружка, которыми руководят педагог И. Гоголадзе и библиотекар И. Чавчавадзе.

Высшие литературные курсы

При Литературном институте имени М. Горького организованы Высшие литературные курсы. Их задача — повышение идейно-теоретического уровня и совершенствование литературного мастерства членов Союза советских писателей.

Учебным планом курсов предусмотрено изучение философии, политической эконо-

Московский стадион «Динамо». 18 июля. На снимках (слева направо): 1. Торжественный марш начался. 2. Выступает колонна физкультурников Российской Федерации. Фото В. Пущина.

ОСНОВОПОЛОЖНИК НОВОЙ ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Недавно в Ленинграде издана новая научная оценка творчества Садриддина Айни. Основателем новой таджикской литературы, поэт и прозаик, ученый и общественник, президент таджикской Академии наук, почетный член Узбекской академии наук, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Сталинской премии, вдохновитель великого множества полезных для народа дел, он оставил огромное и многообразное замечательное наследие.

Садриддин Айни родился 15 апреля 1878 года в семье образованного и свободолюбивого крестьянина. В своих художественных воспоминаниях «Бухара», «Удостоенных Сталинской премии», и в рассказе «Школа» Айни правдиво и ярко описал свое детство, полное борьбы и ранних испытаний. Одинадцать лет Садриддин остался сиротой. В 1890 году он переехал в город Бухару и стал... уборщиком духовного училища.

Угнетавшая бедность окружала юношу. Еще накануне был мракобесием восточной деспотии, царящее кругом предрассудки, религиозное изуверство, вопиющий произвол. Народ испытывал двойной гнет: гнет русского царизма и гнет «своего» эмира.

С. Айни писал стихи в ученических и условиях традиций старой таджикско-персидской поэзии. Но вместе с тем его стихи были проникнуты гуманизмом, сочувствием к бесправным слоям народа.

После революции 1905 года, имевшей отзвуки в Средней Азии, Айни направило свою просветительскую деятельность к деятельности так называемых «джадидов» («новых»), проповедовавших очень умеренный реформизм, чуждый полновластной революционности. Джадиды выступили против крайних форм феодальной деспотии, но ничего общего с народом не имели. Впоследствии джадидизм выродился в контрреволюционную, буржуазно-националистическую организацию.

Вскоре Айни разочаровался в деятельности джадидов и постепенно все дальше отходил от них. Характерно, что в романе «Рабы» автор остро показал баское высокомерие джадидов, их оторванность от народа и непонимание подлинных, реальных интересов трудящихся.

Великая Октябрьская революция оказала огромное влияние на взгляды Айни. Выступая на Первом съезде советских писателей, С. Айни сказал: «Все, что есть заслуживающего внимания в моем творчестве, создано мною после Октября».

Власть эмира Бухарского была свергнута только осенью 1920 года. В 1917—1920 годах в будущем Таджикистане свирепствовал жестокий террор. Айни оказался опасен для шайки деспотов и убит. В 1917 году он был схвачен, получил по обнаженной спине 75 ладонных ударов и был брошен в тюрьму. От смерти Айни спас отряд Красной Армии, вступивший в Бухару.

В начале 1918 года Айни создал знаменитый «Марш свободы»:

О рабы! Поднимайтесь из праха,
Красным знаменем мир озаря!
Сорвите его покровства и страха —
Засияла свобода заря.

Этот марш приобрел необыкновенную известность в народе. Он воодушевлял на борьбу. Революционные стихи Айни, написанные в 1918 году, из которых прежде всего следует назвать «Во славу Октября», были написаны в реалистическом тоне, оказавшись близкими всем трудящимся.

Встав на подлинно революционный путь, Айни отказываясь от остатков своего старого «джадидизма», понял его фальшь и опасность. К этому же времени относится знакомство Айни с творчеством А. М. Горького. Великий таджикский писатель

испытал на себе благотворное влияние русской литературы. Сам Айни писал, что автобиографические повести А. М. Горького произвели на него «незабываемое впечатление», сказались во всей его последующей литературной деятельности.

Садриддин Айни написал повесть «Одина» (1924) о бедном крестьянине-таджике, о горькой невозможности избавиться от нищеты и бесправия старых жизненных условий. В 1927—1929 гг. он создал первый таджикский роман «Дохунда», где правдиво показал тяжелую участь трудящихся таджиков при эмирате и их путь к революции, к борьбе за счастье народа.

Эти произведения Айни были таджикским новым словом, началом новой таджикской литературы. В них мы видим преодоление старых восточных условностей, принципиальный отказ от всякого рода книжного упрямства. Под влиянием революционной действительности при благотворном влиянии переводов русской литературы Айни стал подлинным новатором, уверенно пошедшим по пути реализма. На Первом съезде советских писателей Айни подчеркнул, что критически используя богатое литературное наследие прошлого, мы создаем «свою» советскую литературу под руководством Коммунистической партии».

К числу лучших прозаических произведений Садриддина Айни принадлежит рассказ «Смерть ростовщика». В центре рассказа стоит характерный образ старого ростовщика Кори-Ишмакова. То потешаясь над своим персонажем, то гневно издеваясь, автор показывает отвратительную морю старого и очень опасного хищника, тонкого обманщика.

Роман «Рабы» (1934) охватывает огромный период жизни таджиков: с 1825 года по 1933 год, т. е. свыше века. Название романа не случайно. Отсылкая хорошо знакомому ему жизни таджикского народа к революционным условиям, автор повсюду видел рабство. Прежде всего он изображал рабство в прямом смысле этого слова: захваченных в плен иноплеменными разбойничьими крестьян-таджиками, проданных на революционных базарах. Затем автор показал нам рабство другое — рабство бедняков, находящихся в неоплатном долгу, в лапах у «своих» богачей. И, наконец, рабство всего таджикского народа, находившегося в неволе у эмира Бухарского.

Всюду мы видим полное бесправие народа, изнурительность богатых и сильных над бедными и слабыми, незаконный грабёж, вытолпничество, чудовищные истязания и казни. Замыкает образ раба Рахматла Некаджа, который так и не дождался освобождения от рабства. Сын Рахматла Ергаш получает должное освобождение только после Октябрьской революции из рук советской власти. Такие люди из народа, как Ергаш, Булмурад, Сафар-Гулям, становятся активными участниками колхозного строительства.

Ценность замечательного романа Айни, представляющего своеобразную аннотацию к жизни таджикского народа, заключается еще и в том, что он сумел показать ожесточенное сопротивление старых хищников, озверевших феодалов, кулаков и мullah. Басмачей он правильно показывает, как гнусных отщепенцев, алчных врагов народа, пытавшихся любыми способами сорвать созидательную работу советской власти.

Огромную познавательную ценность представляют художественные воспоминания Садриддина Айни, которые он не успел закончить. Они мастерски написаны в горьковских тонах, полны прекрасных колоритных деталей.

Творчество Садриддина Саидмуратовича Айни занимает одно из самых выдающихся мест в сокровищнице литературы народов СССР.

Виктор ГОЛЬЦЕВ

Архитектуру зданий Всесоюзной сельскохозяйственной выставки обогащают скульптурные украшения, установленные возле многих павильонов и на их фасадах. На снимке: скульптура «Рабочий на павильоне Механизации и Энергетической промышленности СССР».

КНИГА О ДРАМАТУРГИИ РУССКОЙ ОПЕРЫ

Огромное богатство идей и образов оставила человечеству русская классическая опера. Пройдя многие десятилетия, пролетев века, но не померкло и никогда не померкнет великое искусство Глинки и Бородина, Даргомыжского и Мусоргского, Римского-Корсакова и Чайковского.

Без овладения богатейшим опытом русских композиторов-классиков, без освоения выработанными ими передовой эстетической программы немисливо успешное продвижение советского оперного творчества, невозможны поиски новых путей в оперном искусстве. И здесь большие задачи ложатся на плечи советской музыкальной критики, связанной на основе изучения наследия классиков русской оперы созданием реалистической оперной драматургии.

Именно такую задачу поставил Б. Ярустовский в своей книге «Драматургия русской оперной классики» — одной из первых работ в этой сложной и мало разработанной области музыкальной науки.

В начале книги автор рассматривает общие вопросы эстетики русской классической оперы, становление которой «было органически связано с развитием передовой русской общественной мысли, постоянным стремлением композиторов адресовать свое творчество широкому, демократическому слухателю». Вторая глава дает сведения о драматургии оперы. Автор последовательно проводит мысль о конфликтной природе музыкально-драматургического искусства, высказывает верные замечания о

проблеме типического применительно к образу оперного героя. Отмечая, что в опере значительно возрастает сила эмоционального обобщения, Б. Ярустовский пишет, что музыкальный замысел дает, с одной стороны, возможность обобщить в лаконичном музыкальном образе значительные явления жизни; с другой — музыкальный образ позволяет не только отразить тончайшие нюансы душевных переживаний человека, но и показать их как бы сквозь огромное увеличительное стекло, «крупным планом». Далее автор развешивает эту мысль и подробно останавливается на объяснении ведущего в русской опере принципа «крупных стихов», т. е. обобщения через рефлексивный, предельно доходчивый музыкально-эмоциональный образ.

Первые две главы, несмотря на ценность отдельных положений, носят все же эскизный характер. Изложенный материал недостаточен для последовательности, некоторые эстетические понятия не раскрыты.

Наибольшее значение имеют последующие главы книги. Здесь автор как бы раскрывает перед читателем дверь в творческую лабораторию великих оперных композиторов, проследившая увлекательный процесс создания оперного произведения — от выбора сюжета до возникновения целостной оперной драматургии. Подчеркивая, что «художественная идея оперы, задуманная композитором... находила свое выражение прежде всего в музыкальных образах», Б. Ярустовский рассматривает жизненно важный для нашей современной

практики вопрос о взаимоотношениях между композитором и либреттистом в процессе переработки литературного первоисточника в оперный сценарий, а затем и в процессе работы над либретто. Автор точно определяет специфику оперного либретто, являющегося «скандалом для музыки» (Чайковский), где либреттист «должен стремиться к максимальной ясности, конкретности, литературности текста, заботясь о том, чтобы наиболее решающие узловые моменты драмы были раскрыты прежде всего в музыкальных и сценических образах». На основе анализа многих классических образов Б. Ярустовский делает ясный и убедительный вывод: «Крупное оперное произведение складывается только в тесном творческом взаимодействии между композитором и либреттистом. Как композитор должен быть прежде всего талантливым драматургом, добивающимся на всех этапах работы воплощения своего, основополагающего для будущей оперы музыкального замысла, так и его соавтор — либреттист обязан глубоко знать специфику музыкальной драматургии, все сложные и тонкие особенности оперного жанра. Этот вывод, направленный против дилетантизма в оперном искусстве, имеет прямое отношение к современной практике. Ведь значительное количество либретто советских опер чаще всего напоминает плохо скроенную «плеску вообще»; авторы таких «плеск», не имея даже элементарных понятий об оперной драматургии, составляют композитору сырой литературный материал, изложенный к тому же плохими стихами. Иные же требуются композитору, приносящие к созданию оперы без четко сформулированного музыкального замысла, в свою очередь ограничивают свою задачу созданием музыки, лишь внешне иллюстрирующей повествовательный литературный текст».

Центральное место в книге занимает глава, посвященная важнейшей проблеме оперной драматургии — воплощению музыкального сквозного действия в опере. Здесь, пожалуй, более всего проявилось умение автора анализировать оперные произведения в их диалогическом синтетическом единстве. Б. Ярустовский развешивает важную мысль о том, что сквозное действие в русских операх было неразрывно связано с идейной, эстетической направленностью произведения. Как бы различны ни были герои опер Глинки и Даргомыжского, Мусоргского и Чайковского, они олицетворяли типические стороны натуры передового русского человека — его патриотизм, мужественность и духовное богатство.

Опыт русской классической оперы, пишет Ярустовский, показывает, что драматический конфликт оперного произведения развивается, в отличие от литературной драмы, не только в контрастных сценических образах, но и в ярко выраженном мимотоническом противопоставлении.

Во всех разделах книги развешиваются эскизные характеры, как было сказано, но в первую очередь в главе «Первые музыкальные образы будущей оперы и, особенно, в заключительном разделе книги.

Жаль также, что в главных разделах книги мало разработана проблема внутреннего психологического конфликта. Не следует думать, как это часто делает Б. Ярустовский, драматургическое развитие оперы лишь в борьбе сил «эпического» и «контрдействия», понимая под этим только внешний конфликт между положительными и отрицательными персонажами.

В книге есть и другие недостатки. Но ценность исследования в том, что автор любознательно обобщил систематизировал, теоретически обосновал огромный материал. Книга о драматургии русской оперной классики обращена к современности. Ее с пользой прочтут и композиторы, и либреттисты, и широкий читатель.

Владимир ОГНЕВ

В. КУХАРСКИЙ

ЗРЕЛОСТЬ

Р. Гамзатов выпустил не одну книгу. О нем немало уже писалось. В издательстве «Молодая гвардия» совсем недавно вышел еще один сборник поэта.

Рецензировать этот сборник от «за до» не хотелось бы. Скажем лишь, что это первая по-настоящему цельная книга поэта: в ней вдумчиво отобрано лучшее в его творчестве, видно многообразие жанров, богатство поэтической природы. А самое главное, в «Лирике» есть много новых стихов, в которых отчетливо проявились и новое качество поэзии Гамзатова — зрелость. Озаренность Гамзатова и то, что год от года, книга от книги крепнет его мастерство, — это никогда не подвергалось сомнению. Но в «Лирике» чувствуется нечто большее, нежели окрепшее мастерство.

Бывают в жизни человека переломные моменты, когда мужание характера, формирование личности, ее отношение к миру достигает особой остроты и резко переходит в новое качество. Поэма «Раговор с отцом», посвященная смерти отца Рагула, прославленного народного поэта Дагестана Гамзата Падасы, является свидетельством этого перелома. Жизнь оказывается намного более сложной, чем представлялась нам восторженному сердцу юного поэта. И отсюда — решительное и бесповоротное: «Стихи, вы обязаны тоже трудиться. Я понял, что в этом — призвание поэта».

Сам поэт трудился над стихом и до этого, грывая студенческие карандаши в ночной аудитории Литинститута или прислушиваясь к бурному говору реки Койсу во время одиноких прогулок у себя на родине. Писать стихи — всегда трудно. Но это другое. Теперь поэт хочет, чтобы постоянство, как честный работник, трудилось стихотворение. Что это значит? Чтобы люди становились лучше, слушая его правдивые, серьезные мысли о жизни. Чтобы все время ощущать, что слово доходит и делая свое дело. Ему уже мало красивых

сказаний о предках, шуточных песенок о любви, весенних од о «жизни счастливой... о цветенье». Он хочет, чтобы в жизни (а не только в стихах!) жила «ярвация и лютяица», он не хочет «шадить сорняки!»

Век не мирись с благодушьем и ленью И знай — ты на службу беспробудную привани.

Боренье мыслей и чувств столкновения Станутся даже в года коммунизма.

Поэт — боец за реальные ценности в жизни, против реальных недостатков и пороков. Поэтому врагом поэта становится не вообще зло и коварство, как это часто было в ранних стихах Гамзатова, а, скажем, «гордый» вездик — «в зубах — папироса, за поясом — плеть», за которым лажом летает жена с ребенком на руках (стихотворение «На дороге»). «Смотрю, от стыда и от тоски гораю...» — восклицает поэт.

Зрелость поэта выразилась еще в одном качестве, также принципиально важном для развития нашей поэзии. Многим стихам сегодня не хватает того, что Чернышевский назвал «диалектикой души». Гамзатов показывает борение чувств, процесс, развитие, становление мысли. Прочтите такие стихи, как «Поэзия». Очень тонко, умно показывает он развитие своего отношения к поэзии:

Был я мальчишкой, матерью ты мне казалась,
Любимой мне кажешься нынче, а стану седым,
Доверью будешь беречь мою старость,
Стихи — ты память станешь над прахом моим.

Как внешне изменилось отношение к ней: она кажется то «неприспущенной горой», то «спитицей, послушной, ручной». Но полная правда все же в том, что без поэзии (как и без всякого вообще творческого труда) невозможно жить человеку. И потому поэзия — это счастье, это сама

жизнь: «Ты для меня и поход и привал во время похода, ты для меня и мой отдых и каторжный труд».

Это стремление отразить сложность жизни — не самоцель, а потребность в правде, которая всегда многогранна, богата и лишь потому красива. Бедная, однолинейная «правда» схемы — противна самому духу творчества. Гамзатов это чувствует. И потому так полномерно, так реалистично его восприятие времени («Стихи о времени»), лафос которого — жажда труда, благородное желание сделать больше, чем даже в силах сделать человек; потому так изумительно человечен его Кашип — и символ Родины и символ дружбы горских народов — и в то же время живой, лирический образ жизни, человечности:

То стонешь, как на кладбище отен,
Процаясь с сыном, со своей надеждой,
То утихнешь, как большой мудрец,
Осмеянный удачливым невеждой.

Ме не кажется, что сердце у меня Напоминает чем-то это море:
В несельный час оно поет, зная,
И глухо бьется в час большого горя.

А как богат оттенками мыслью и чувством «Тоска», — кажется, вся жизнь советского человека вместились в краткую речь тамады из Дагестана, смысл которой понятен и пастуху-монголу, и виноградарю Италии, и шахтеру-шотландцу:

За то, что в мире было вдоволь хлеба,
Что жили все и в дружбе и в тепле.
Всем людям хагит места на земле,
Как волнам моря и как звездам неба.

Большими удачами кажутся мне философские мудрые и музыкально-совершенные песни из поэмы «Махмуд» (в отличном переводе Н. Гребнева).

Я остановился только на некоторых сторонах творчества Р. Гамзатова, определяющих, как мне думается, самые сильные стороны его таланта, его будущие успехи: это крутой поворот к более активной вторжению в реальную жизнь, народа, его стремление к показу богатства жизни в ее диалектике, это философское, широкое осмысление процессов жизни.

речь идет именно о другом полюсе искусства, о человеке, который по словам Пухова, не понимает, что требуется, желает «переспорить эпоху» и пишет «для XXI века» и которого автор противопоставляет всему остальному.

Итак, с одной стороны — потерпевший временную неудачу, но как утверждает автор, имеющий у нас все практические возможности торжествовать халтурщик; с другой стороны — непризнанный, замкнутый в себя и любящий в жизни только искусство подлинный талант.

Не отрицая возможности существования и того и другого, не отрицая и того, что Пуховы, благодаря умелой мимикрии — отличному свойству приспособленцев, порой способны то там, то здесь торжествовать свои временные победы, — позволю себе все же задать вопрос: неужели эти два полюса и исчерпывается картина нашего искусства?

Обращаясь к видному деятелю советской культуры, как-то странно быть вынужденным говорить самые общезвестные вещи, но все же хочется напомнить автору «Оттепели», что и до ее появления наше искусство отнюдь не являлось промерзшей наскок ледяной куклой. Были и есть в нем такие авторы, как Хмелев и Шуклин, Черкасов и Бабочкин, Пащенко и Иванов и многие другие славы мастера театра, кисти, выросшие в мастером, играя главным образом в тех самых советских пьесах, от которых в таком унынии эренбургская Танечка. Были и есть у нас песни, музыка и слова которых облетели весь мир. Были и есть у нас даровитые советские архитекторы, и лучшие здания, построенные по их проектам, радуют наш глаз и в Москве, и в Киеве, и в Сталинграде. Были и есть у нас скульпторы, чьи работы являются гордостью нашего искусства, — можно вспомнить памятник советским воинам Вучетича в Трептов-парке в Берлине. Можно вспомнить статуи Мухомовой, венчающую советский павильон на Парижской выставке. Можно вспомнить и другие прекрасные работы. Есть у нас выдающиеся по своему мастерству графика Пророкова и Вукриновича, Шарнирова и Верейского. Есть у нас хорошие картины, монументальные и жанровые, портреты и пейзажи работы Дейнеки и Иогансона, Сарьяна и Пастова, Кончаловского и Мясничева, Григорьева и Решетникова — неперенumerуемых положений и разных художественных манер, по праву занимающих свое законное и заметное место в наших картинных галереях.

И далее от того, чтобы обращаться к Эренбургу с претензиями, почему он не упомянул обо всем этом в своей повести.

Я понимаю, что повесть не статья, да и ни в какой статье не перечислишь все лучшее, что за несколько десятилетий создано в нашем искусстве. Но я хотел бы задать один простой вопрос: почему повесть, почти треть которой отведена разговорам об искусстве, изображении людей, так или иначе к нему причастных, не содержит в себе даже намека на существование у нас в искусстве всего того «хорошего и разного», о чем я только что упомянул самым кратким образом?

Думая о позиции Эренбурга в этом вопросе, я допускаю, что можно резко разойтись в тех или иных оценках; но можно ли, не ставя себя в смешное положение, сделать вид, что не существует целого большого искусства, не существует только потому, что автор повести шел за благо замечательным и увидел сквозз цепку лишь только Пуховых, Сабуровых и Танечек?

Неужели мы действительно, прочтя «Оттепель», оказались перед печальной необходимостью выбирать только между Пуховыми и Сабуровыми, ибо в нашем искусстве якобы нет ничего иного? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы убедиться в том, как элементарно несправедлива и обща картина искусства, нарисованная в повести Эренбурга, и тот его взгляд на это искусство, примененный им, например, в литературе, никак не найдешь в ней места хотя бы для самого Эренбурга; ибо с Пуховым он, разумеется, ничего общего не имеет — об этом и подумать грешно, а причислить его к непонятым и непризнанным талантам тоже нет оснований.

В повести высказан взгляд, несправедливый не только по отношению к Эренбургу, но и по отношению ко всем честным и даровитым советским художникам, составляющим силу и славу нашего искусства, ибо именно их трудом — отнюдь не всегда совершенным и свободным от ошибок и слабости, но трудом большим и целеустремленным — обрывается это искусство и той ролью, которую оно играет в жизни нашего народа, и тем местом, которое оно занимает в мировой культуре.

Однако вернемся к самой повести. Да, Пуховы, вступившему на путь халтуры, в порядке самооправдания и самоутешения начинают махать черной краской все наше искусство, но ведь есть и другие судьи, кроме Владимира Пухова, есть они в жизни, есть они, потенциально, и в повести «Оттепель». Однако, перечитывая повесть страницу за страницей, во всей книге мы ни из чьих уст не услышим сколько-нибудь объективной оценки того, что делается в нашем искусстве, — и его сильных сторон, и его слабостей. Такое впечатление,

словно для персонажей повести искусство выведено. Как будто нет тех, которые им нравятся, авторов, которых они любят, картин и скульптур, которые им дороги. Нет ни картин. Существуют Пуховы и Сабуровы и цусота посредия. Причем даже над ними, над тем, что делают они оба, персонажи повести не произносят своего слова. «...Тебе нравится ее картина?» — спрашивает мать Владимира Пухова у отца Пухова — Андрея Ивановича. Но Андрей Иванович уходит от ответа по поводу картин, изображающей двух рабочих, читающих газету. «Мне его мысли не нравятся», — отвечает он вместо этого. Справедливо в дальнейшем осудил внутренний критик сына, он так ни слова и не говорит о его живописи. О том, что собой представляет творчество Сабурова, мы узнаем лишь со слов Владимира Пухова. Другие его картин не знает, и мы так и не в состоянии ни высказать, как же оценил бы этот мир советских людей, который изображен в повести Эренбурга, к искусству человека, который любит в жизни только живопись.

Писатель последовательно уходит от ответа на все эти вопросы, почти каждый раз выдвигая взамен оценки Владимира Пухова, едва лишь заходит о явлениях искусства. И тут надо ясно сказать: да, с халтурщиками и приспособленцами, такими, как Пухов, мы будем бороться и готовы продолжать вести ее вместе с Эренбургом (с той только оговоркой, что для нас Пуховы ни в какой мере не жертвы сложившейся в нашем искусстве обстановки, а паразиты искусства, не заслуживающие ни оправдания, ни сочувствия). Но мы не собираемся бороться с Пуховыми под лозунгом Эренбурга: «Вперед, к истинному искусству, к искусству Сабурова» (а другое истинное искусство в повести нет). Больше того, мне, например, странно, что именно Эренбургу предлагается в своей повести из Сабурова тот магнитный полюс, к которому якобы должно притягиваться все лучшее, что есть в сердцах людей искусства. Первое имя лежит на столе книги Эренбурга, сборники его статей и памфлетов, напечатанных за последние полтора десятилетия. Это книги о борьбе с фашизмом и расизмом, с поджигателями новых войн, книги, проникнутые духом советского гуманизма, книги, разумеется, не составляющие в этом смысле исключения среди многих других хороших боевых книг нашей литературы. В книгах Эренбурга, в его романах можно не соглашаться с тем или с другим. Но то, что они ни в какой мере не являются живописью для живописи, литературой для литературы, что это книги, если употребить здесь на-

знание одной из сталинградских статей Вас. Просекина, напечатанные на «направлении главного удара», — это никогда не стояло и не стоит под сомнением.

Здесь мы имеем дело с противоречием, которое удивительным, понять которое трудно, а примириться с которым нельзя. Натисав это, я подумал: может быть, здесь следует искать более узкого объяснения, может быть, секрет в разнице между словами: писатель и художник? Может быть, Эренбург считает, что у писателя один долг перед «большим племенем своего века», а у художника другой? Что писатель обязан быть борцом, а художник, скульптор, актер — обязан?

Если это так, то невозможно согласиться с Э. и этим, ибо, как бы ни разнились специфика различных видов искусства, мы не соглашены примириться не только с утверждением, но даже с намеком на то, что боевые принципы активного служения интересам народа могут превратиться в свою противоположность, как только мы переходим от одного вида искусства к другому.

Конечия повести Эренбурга несправедлива по отношению ко всему нашему искусству в самом широком смысле. Но если даже взять более узкую сферу только изобразительного искусства, то и здесь нельзя согласиться ни с концепцией автора повести, ни с его пафосом. Рисуй Владимир Пухова, Эренбург, правда, первоначально, но все же затронув вопрос о реальных методах и слабостях нашего изобразительного искусства. Почему поворачивает? Почему что раздражает — плохой советчик, когда дело идет о серьезных вещах. Почему что Эренбург пытается внушить читателю, что в общем у нас большинство таких, как Пухов, — и говорит неправду.

Правда заключается в том, что большинство наших настоящих художников — враги Пуховых и враги неприримимые, хотя в те же время у Пухова есть эстетические и заручки, есть покровители, и покровители иногда сильные, занимающие общественное положение не по таланту или растерявшие этот талант.

Правда заключается в том, что признавая действительность, лозунг о необходимости поставить изобразительное искусство на службу массам и создавать искусство реалистическое и как все истинно великое — понятие народу, у нас нередко опущается, ибо существует в нашем искусстве люди, скатившиеся сами на позицию натурализма и пытающиеся затупить поиски полого в искусстве, объявляя антиреалистическим все, что не влезает в прокрустов ложе их собственных представлений, а подчас и просто-напросто ограни-

ченных творческих возможностей. Они не желают знать при этом, что социалистический реализм в живописи и в скульптуре так же, как и в любом другом виде искусства, — не только допустимо, но и предлогат богатство различных художественных почерков и художественных манер.

Все эти теневые стороны существуют в нашем изобразительном искусстве (и, конечно, не только в нем) и они, в частности, сказались, чтобы далеко не ходить, на последних наших художественных выставках. Они сказались и на общественном торжестве роста художественной молодежи и в изведении кое-кого из этой молодежи на роль вечных подмастерьев, участников всякого рода многочисленных коллективов, создающих за полгода — год мимомонументальные полотна и скульптуры. Как наиболее отрицательный, на мой вкус, пример одной из подобных скороспелых «монументальных» картин, могу указать на дважды продемонстрированную на выставках картину художника А. Герасимова, напечатанную им вместе с целым коллективом. На полотне было изображено событие потрясающее — в Большом театре, в первые дни после смерти Ленина, соратники Ленина дают клятву в верности его делу, его идеем, — а в картине не было ни жизни, ни искусства, ни скорби, ни волевого, ни мужества.

Правдой будет сказать и то, что в нашем изобразительном искусстве было, да еще и остается, слишком много парадности, много доходящей до напыщенности, что мы видели слишком много прикрасенных портретов, слишком много орден, мундиров, парадных костюмов и слишком мало вывески и легкой теплоты на лицах, что вообще жизни простых людей, их повседневному труду, быту, любви, дружбе, дорогим задушевным человеческим чувствам уделялось в нашей живописи и скульптуре слишком мало внимания.

Все то, что я говорю, вовсе не ново, хотя бы потому, что об этом говорят сами художники, потому, что они с этим борются, и здоровые силы в этих спорах побеждают, хотя борьба и негата.

Если бы Эренбург написал обо всем этом и дал истинную картину положения дел в нашем изобразительном искусстве, борьба между разными тенденциями, которая шла и идет сейчас, показала бы приспособленцев, показав бы натуралистов и фотографов от живописи, и в те же время показала бы людей, борющихся с нами за подлинный реализм в искусстве, за широту возможностей, за разнообразие, за честность в развитии и применении талантов, если бы писатель показал все это,

не страшно черных красок там, где оно действительно лежит на общей картине нашего искусства, но и не угавая светлых, — то это писательское слово, безусловно, нашло бы широкую поддержку.

Но когда Эренбург, игнорируя подлинную противоречия и споры живую жизнь нашего искусства, ставит его чуть ли не все в затылок Пухову, а противопоставляет ему идущего «наперекор эпохе» Сабурова (человека, которому, если он талантлив, надо попробовать помочь встать на путь создания народа), когда Эренбург предлагает как раз обратно, — предлагая нашему искусству встать на путь Сабурова, а в сущности — на путь замкнутости, отрыва от жизни, в конечном счете формализма — то в ответ можно сказать только одно: искусство наше на этот путь никогда не встанет, и Эренбург не принес ему никакой пользы, сочиняя свою парочку картин. Скорее напротив, Эренбург может сыграть своей повестью на руку тем остаткам деятелям нашего изобразительного искусства, которые сами, находясь в плену натурализма, возможно, попробуют воспользоваться повестью Эренбурга для того, чтобы дедомогически пострадать ею людей, сплотивших с ними, или попытаться атаковать этих же людей к себе в объятия, заявляя, что вот вы с нами спорили, спорили, а в повести Эренбурга все, кроме Сабурова, в нашей живописи одним миром мазаны — и вы и мы!

Я, в меру своих сил, попытаюсь разобраться и оценить обе главные линии повести «Оттепель», из которых складывается общая картина. Если в изображении большинства основных персонажей неполнота повести чаще всего связана с несоответствием общего доброго замысла исполнению — с недомысленностью, поверхностностью и художественной слабостью, — то в изображении всего, что так или иначе связано со сферой искусства, прежде всего бюрократов в глазах лояльности самого автора, Эренбург не пожелал увидеть истинной картины нашего современного искусства с его реальными ценностями и реальными слабостями и попытался изобразить его в виде чуждого людским сердцам механического соловья, замаскированного и не заслуживающего сочувствия.

В конечном итоге, когда глядя на обе линии и эту сторону дела, вся повесть, несмотря на некоторые хорошие страницы, представляется отрицательной для нашей литературы поучитель автора.

